

ходила во владения отдельных феодалов с надеждой найти там защиту от притеснения государственных чиновников. Частновладельческие парики не порвали, однако, полностью связей с государством. В большинстве случаев они продолжали платить основной государственный налог или часть его, но были освобождены от ряда других чрезвычайных податей, тягот и повинностей, которые были тем более обременительны, что не были строго регламентированы и могли постоянно увеличиваться и умножаться.

В этом постоянном увеличении фискальных тягот и повинностей нашло свое выражение полное подчинение ранее свободной сельской общины феодальному государству. Положение ее членов мало чем отличалось от положения частновладельческих париков. В надежде улучшить свое положение некоторые государственные крестьяне добровольно становились париками какого-либо монастыря, церкви или светского феодала. Чтобы воспрепятствовать этому явлению, которое грозило государству потерей его подданных, оно вводило ограничения количества зависимых людей в распоряжении отдельного феодала (так называемый *ἀριθμός, ποσότης*)¹³⁵. Таким образом, и государственные крестьяне, если даже они не были полностью закрепощены, были также ограничены в свободе передвижения.

Освобожденные от государственных налогов парики в силу так называемого парического права становились обязанными определенными повинностями в пользу феодала. Поскольку эти повинности регламентировались обычным парическим правом (*παροικιαὸν δίκαιον*) и носили частноправовой характер, они не зафиксированы в официальных документах (из которых мы черпаем сведения об экскуссии частновладельческих париков от государственных налогов), и только иногда встречаются случайные данные об их обязанностях по отношению к новому феодальному господину. Поэтому сведения об обязанностях париков по отношению к феодалам от рассматриваемого периода всегда общи и неопределенны. Постепенно парики были вынуждены нести в пользу своего господина те же повинности, которые раньше они выполняли в пользу государства¹³⁶. Государство, таким образом, передавало феодалу часть прибавочного труда и продукта крестьян. Парик был обязан выполнять для монастыря, церкви или светского феодала определенную службу (*δουλεία*), а в определенных случаях — уплачивать натуральные или денежные подати.

Первой грамотой Василия II для Охридской архиепископии парики, которые работали на архиепископию, были освобождены от икономодия и остальных эпирий¹³⁷. В типике Бакуриани речь идет о париках, «которые обслуживали монастырь»¹³⁸. Феофилакт сообщает, что обменял имеющиеся у него владения на село, чтобы пользоваться отработочной повинностью париков¹³⁹. Он отклонил предъявленное ему обвинение, что извлекал выгоду из клириков: «Это не кража из казны, а дозволенное царской милостью»¹⁴⁰. Григорий Бакуриани построил монастырь и церковь на свои собственные средства, а не с помощью ангари, принуждения и перегрузки эпирями своих париков¹⁴¹. В хрисовуле монастырю Колову при Иериссо дается экскуссия 40 его парикам, «чтобы они были

¹³⁵ G. Ostrogorski. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956, p. 20—36.

¹³⁶ Ср. Д. Ангелов. Аграрные отношения. . . , стр. 159—166.

¹³⁷ Й. Иванов. Български старини из Македония, стр. 550, 555.

¹³⁸ L. Petit. Turicon. . . , p. 51. 21—23.

¹³⁹ PG. t. 126, col. 424.

¹⁴⁰ Ibid., col. 448. A.

¹⁴¹ F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . . , № 56. 16, S. 155.